

с. 1

Среди нашей литературной пустоты являются, однако, и произведения широкого размаха, изображающія настоящую действительную жизнь и настоящих людей. Такова драма г. Чехова «Ивановъ», которой «Св. В.» почти искупилъ безсодержательность всѣхъ трехъ кнѣжекъ журнала, вышедшихъ за этотъ годъ. Эта драма—сама жизнь. Въ ней нѣтъ шаблонныхъ положеній, нѣтъ избитыхъ, исключительно для сцены приготовленныхъ, типовъ. Каждое дѣйствующее лицо—само по себѣ живо и типично. Дѣйствіе совершается на почвѣ существующей дѣйствительности и совершается вполне легко и свободно.

Ивановъ, непримѣнный членъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, человѣкъ еще сравнительно молодой; ему всего 35 лѣтъ. Онъ женился на крещеной еврейкѣ, Саррѣ Абрамсонъ, которая бросила семью, богатство, разсталась со всѣми дорогими ей. Теперь она живетъ только мужемъ, который ужѣ разлюбилъ ее. Сарра больна; у ней чахотка. Доктора советуютъ ей ѣхать въ Крымъ, но у Ивановыхъ нѣтъ средствъ. Сарра гаснетъ съ часу на часъ, понимая, что мужъ далеко отъ нея, почему онъ часто ѣздитъ къ Лебедевымъ, у которыхъ есть двадцатилѣтняя дочка—Саша, свѣжее, неспорченное существо. Саша, въ свою очередь, понимаетъ тяжелую жизнь Ивановыхъ, но несчастный, измученный, изжившійся Ивановъ дорогъ ей; она любитъ его, мечтаетъ спасти его, помочь ему забыть отъ самого себя. Сердце ея ищетъ дѣятельной любви, богатые силы ищутъ выхода, подвига, и она надѣется, что у ней будетъ дѣло, если она свяжетъ свою жизнь съ человѣкомъ, котораго нужно ободрять, поднимать; это не напускное чувство, не выдуманное; она искренне любитъ Иванова, хотя понимаетъ и основу своего чувства. Саша сама говоритъ ему: «Всякой дѣлушкѣ скорѣе понравится неудачникъ, чѣмъ счастливецъ, потому что каждую соблазняетъ любовь дѣятельная... Понимаешь? Дѣятельная. Мужчины заняты дѣломъ и потому у нихъ любовь на третьемъ планѣ. Поговорить съ женой, погулять съ ней по саду, пріятно провести время,—на ея могилкѣ поплакать—вотъ и все. А у нея любовь—это жизнь. Я люблю тебя; это значитъ, что я мечтаю, какъ я излечу

тебя отъ тоски, какъ пойду съ тобой на край свѣта... Ты на гору, и я на горы; ты въ яму, и я въ яму. Для меня, напримѣръ, было-бы большимъ счастьемъ всю ночь бумаги твои переписывать, или всю ночь сторожить, чтобы тебя не разбудилъ кто-нибудь, или идти съ тобой пѣшкомъ версты сто.... Чѣмъ больше труда, тѣмъ любовь лучше, г. е. она, понимаешь-ли, сильнѣе чувствуется». Саша увлекаетъ Иванова своей любовью и оказывается гораздо дѣятельнѣе, энергичнѣе его: она первая объясняется ему въ любви, она пріѣзжаетъ къ нему спросить, что случилось съ нимъ, когда онъ не показывался у Лебедевыхъ двѣ недѣли; и вѣстѣ съ горячкой, чистой любовью въ ней живетъ и чувство состраданія къ женѣ Иванова. Саша сама проситъ его идти къ больной женѣ. «Слушай меня:—говоритъ она—ступай сейчасъ къ женѣ и сиди, сиди, сиди... Годъ понадобится сидѣть, —годъ сиди. Десять лѣтъ—сиди десять лѣтъ. Исполнай свой долгъ. И горюй, и прощенія у ней проси, и плачь—все это тааъ и надо. А главное, не забывай дѣло. Этими немногими словами характеризуется вся симпатичная натура Саши. Она понимаетъ любовь, какъ счастье; ея любовь—не та эгоистическая привязанность, которая требуетъ для себя безраздѣльно и время и силы и всю жизнь любимаго человѣка, которая отлекаетъ человѣка отъ его дѣла, принижая его и завлаждая имъ безраздѣльно. Она мечтаетъ спасти человѣка именно своей разумной, чистой любовью. Она видитъ, что онъ малодушенъ, и требуетъ отъ него пощады и деликатности по отношенію къ умирающей Саррѣ; она хочетъ пробудить въ немъ лучшіе инстинкты и вызываетъ къ чувству долга. Саша чуткимъ сердцемъ поняла, что для такихъ людей сдерживающей силой можетъ быть только долгъ, потому что ихъ нравственный донатіа не лежатъ прочно въ натурѣ, потому что ихъ поступки не вытекаютъ изъ сердечныхъ побужденій, потому что эгоизмъ, эгоизмъ слабого, потеряннаго нить жизни, человѣка руководитъ всѣми ихъ поступками. Дѣло для такихъ людей служитъ только средствомъ забвенія, возможностью заглушить чувство неудовлетворенности, являющееся слѣдствіемъ ихъ внутреннего разлада и безсодержательности. Саша указываетъ

Иванову и на дѣло въ надеждѣ, что ~~можа~~, т. е. до тѣхъ поръ, какъ онъ любовью успѣетъ возродить, обновить его, онъ забудется за эти дѣломъ, переживетъ мучительный кризисъ, который — какъ, конечно, должно казаться ей, искренне и здорово любящей, — онъ переживаетъ именно теперь, въ тѣ минуты, когда Сарра еще жива, когда онъ сознаетъ, что разлюбилъ ее, и въ его душѣ пробуждается новое чувство.

Ивановъ, дѣйствительно, переживаетъ кризисъ, но не теперь только, когда его положеніе усложнилось любовью къ чистой дѣвушкѣ. Въ немъ давно уже живетъ мучительная тоска, ужасное чувство раздвоенности и презрѣнія къ самому себѣ. Онъ говоритъ о себѣ: «Какъ я себя презираю, Боже мой! Какъ глубоко ненавижу я свой голосъ, свои шаги, свои руки, эту одежду, свои мысли. Ну, не смѣшно-ли, не обидно-ли? Еще года нѣтъ, какъ былъ здоровъ и силенъ, былъ бодръ, неутомимъ, горячъ, работалъ этими своими руками, говорилъ такъ, что трогалъ до слезъ даже невѣжъ, умѣлъ плакать, когда видѣлъ горе, возмущался, когда встрѣчалъ зло. Я зналъ, что такое вдохновеніе, зналъ прелесть и поэзію тихихъ ночей, когда отъ зари до зари сидишь за рабочимъ столомъ, или умишь свой тѣшишь мечтами. Я вѣровалъ, въ будущее глядѣлъ, какъ въ глаза родной матери... А теперь, о, Боже мой! Утомился, не вѣрю, въ бездѣлы провожу дни и ночи. Не слушаются ни мозгъ, ни руки, ни ноги. И въ этихъ словахъ Иванова онъ представляется вполнѣ ярко и отчетливо, какъ Саша въ одномъ своемъ коротенькомъ монологѣ Ивановъ говоритъ о себѣ, что онъ былъ когда-то другимъ, тоже самое говоритъ о немъ и Сарра, и мы, конечно, должны вѣрить имъ на слово, потому что предъ нами проходитъ не вся жизнь Иванова, а только тотъ періодъ ея, когда онъ, измученный, усталый, извѣрившійся, сомнѣется о своемъ прошломъ, не зная, какъ и почему совершилась въ немъ роковая, ужасная перемѣна. Онъ работалъ, былъ способенъ плакать при видѣ горя и чувствовать негодование при видѣ зла, т. е. способенъ былъ отзываться сердцемъ на всѣ явленія жизни, могъ многое чувствовать, а не понимать, переживать, а не резонерствовать. И вотъ, переживъ страшную перемѣну, которую переживаютъ въ наше время

тысячи, оглянувшись на свое прошлое, онъ презираетъ себя, какъ презираютъ себя эти тысячи. А презрѣніе къ себѣ, даже неуваженіе къ себѣ, являются еще одной лишней причиной къ новой тоскѣ, къ обреченію себя на бездѣйствіе. Человѣкъ ищетъ въ себѣ силъ снова привязаться къ жизни, ищетъ въ себѣ любви къ тому, что прежде любилъ, и ненависти къ тому, что страстно ненавидѣлъ; но ни того, ни другого не находитъ онъ въ своемъ охолодѣвшемъ сердцѣ, и ему остается одно отчаяніе, одна смертельная тоска. Пытается онъ ухватиться за жизнь; мелькнетъ-ли передъ нимъ новое дѣло, новое чувство, новая жизнь, — онъ мечтаетъ прилѣпиться къ нимъ, отдаться имъ, разбудить въ себѣ порывы сердца, но только на мгновенье: пройдетъ оно, и снова пустота и холодъ охватываютъ его, снова онъ чувствуетъ, что нѣтъ у него жизненной нити, нѣтъ ничего, чтобы связывало его съ окружающимъ міромъ, снова понимаетъ, что ничто не въ силахъ спасти его. Удивляясь и не понимая, за что онъ разлюбилъ жену, Ивановъ говоритъ о своей новой любви — любви къ Сашѣ: «Она мнѣ, почти старику, объясняется въ любви, а я пьянѣю, забываю все на свѣтѣ, оборотенный, какъ музыкой, и кричу: «Новая жизнь! счастье!» А на другой день вѣрю въ эту жизнь и въ счастье такъ же мало, какъ въ домового... Изъ этихъ словъ ясенъ весь трагизмъ положенія такихъ людей, какъ Ивановъ; а такихъ людей у насъ теперь тысячи, десятки, сотни тысячъ. Жили они, вѣрили, любили и какъ-то незаметно для себя потеряли и вѣру, и любовь и надежды, а съ ними и жизнь и счастье. Откуда-же это? Какъ? почему? Причину Ивановъ указываетъ отчасти и самъ. «Если когда-нибудь въ жизни, — говоритъ онъ Лебеву, — тебѣ встрѣтится молодой человѣкъ, горячій, искренній, неглупый, и ты увидишь, что онъ любить, ненавидитъ и вѣрить не такъ, какъ всѣ, работаетъ и надѣется за десятыхъ, сражается съ мельницами, бьется лбомъ о стѣны, если увидишь, что онъ взвалилъ на себя ношу, отъ которой хруститъ спина и таятся жилы, то скажи ему: не спиши расходовать свои силы на одну только молодость, побереги ихъ для всей жизни; пьянѣй, возбуждайся, работай, но знай мѣру, иначе жестоко накажетъ тебя

судьба! Въ 30 лѣтъ уже настанетъ похмѣлье, и ты будешь старъ. Съ тяжелой головой, съ лѣнивой душой, утомленный, надломленный, безъ вѣры, безъ любви, безъ цѣли будешь ты слоняться среди людей и не знать: кто ты? за чѣмъ живешь? что хочешь? И будетъ тебѣ казаться, что любовь вадоръ, ласкамъ приторны, что въ трудѣ нѣтъ смысла, что пѣсни и горячія рѣчи пошлы и стары. И куда ни ступишь, всюду будешь ты вносить съ собой тоску, холодную скуку, недовольство, отвращеніе къ жизни, и не будетъ тебѣ спасенія. Мы не знаемъ, что именно дѣлалъ Ивановъ, но видимъ, что онъ вѣрилъ, чувствовалъ, жилъ жизнью сердца, жилъ, вѣроятно, горячо, быстро; и когда молодость стала проходить, когда понадобился разсудокъ, онъ оказался не въ ладу съ сердцемъ. Сердце замолчало, чувство перестало отзываться, а крѣпко заложенныхъ нравственныхъ началъ не оказалось, не оказалось тѣхъ основъ, которыя выработываются воспитаніемъ, дѣтствомъ и неизбежный холодъ одиночества, тоска завладѣваютъ Ивановымъ до того, что онъ восклицаетъ: «Не понимаю, не понимаю, не понимаю! Просто хотъ пулю въ лобъ!» Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Погибъ безвозвратно!» И въ своемъ послѣднемъ разговорѣ съ Сашей, когда онъ проситъ ее отказаться отъ него, Ивановъ говоритъ: «Возбудить и поднять мой духъ можно до самого неба, но послѣ возбужденія наступаетъ похмѣлье, и мой духъ падаетъ еще ниже, чѣмъ былъ. Нужно понимать это и не скрывать отъ себя! У нашего брата, нытика, есть одно спасенье, да къ несчастью, у насъ для этого спасенія слишкомъ много ума. Погибъ, погибъ, и разговоры быть не могутъ!» Ивановъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, кончаетъ самоубійствомъ. Ивановъ—больной продуктъ нашего нервнаго времени. Вѣчно нервно-настроенный, раздражительный, Ивановъ вмѣстѣ съ тѣмъ сознаетъ свою несправедливость по отношенію къ другимъ, но не можетъ удержаться отъ оскорбленій и обидъ имъ. Онъ разлюбилъ Сарру и, разлюбивъ, не можетъ просто беречь умирающую женщину, не можетъ не мучить ее; онъ эгоистически даже не думаетъ о ней, о ея удобствахъ. Несомнѣнно, что въ такихъ случаяхъ человѣку вообще тяжелѣе заботиться о томъ, кого когда-то онъ

любилъ, кѣмъ жилъ; тяжело выполнять свой долгъ, свои обязанности уже потому именно, что то, что прежде вытекало изъ чистыхъ, хорошихъ побужденій, дѣлалось непринужденно, принимаетъ теперь видъ непріятнаго обязательства; но тотъ, у кого понятіе долга не является чѣмъ-то напускнымъ, въ комъ оно срослось со всѣмъ организмомъ, со всѣми помыслами, или-же въ комъ чувство любви уступаетъ мѣсто чувству жалости и виноватости предъ человѣкомъ, котораго разлюбили ни за что, безъ причины, тотъ сдумаетъ побѣдить себя, сдумаетъ быть равенъ въ мелочахъ, сдумаетъ охранять когда-то дорогаго человѣка. У Иванова чувства поблекли, а долгъ—понятіе отвлеченное. Онъ и не старается ни скрывать того, что разлюбилъ жену, ни облегчать ей этого горя, хотя не вина Иванова, конечно, что Сарра случайно слышитъ объясненіе ему Саши. Больная, раздраженная, оскорбленная его молчаніемъ по этому поводу, его отношеніемъ вообще, женщина смотритъ на любовь Иванова къ Сашѣ съ совершенно иной точкой зрѣнія. Она уже перестала понимать мужа и, подстрекаемая услужливыми интеллигентными сплетниками, думаетъ, что Ивановъ любитъ не Сашу, а ея деньги, что онъ, обманувшись въ ея собственныхъ средствахъ, имѣетъ въ виду обезпечить свое будущее въ случаѣ ея смерти. Она упрекаетъ его высокими словами и честными планами, которые онъ строилъ прежде, обвиняетъ его въ преднамѣренной лжи и наконецъ бросаетъ обвиненіе въ низкой игрѣ съ Сашей. Ивановъ въ иступленіи; весь ужасъ позора того положенія, въ которое онъ поставилъ себя по отношенію къ женѣ, весь ужасъ непонятаго въ своей слабости человѣка охватываетъ его и онъ кричитъ ей: «Замолчи, жидовка!», и когда Сарра, тоже раздраженная, почти изступленная, кричитъ: «Не замолчу... Слишкомъ долго ты обманывалъ меня, чтобъ я могла молчать», борется съ собой секунду и прибавляетъ: «Такъ знай же, что ты.... скоро умрешь... Мнѣ докторъ сказалъ, что ты скоро умрешь». Но какъ только онъ сказалъ это, какъ только злоба вылилась, какъ только онъ увидѣлъ послѣ этого несчастное лицо жены, онъ понимаетъ, что сдѣлалъ и начинаетъ рыдать. Эта сцена объясненія между двумя когда-то взаимно любящими

существом, которые перестали понимать друг друга, измучили себя странными отношениями — одна из лучших сценъ въ драмѣ.

Сарра, действительно, скоро умираетъ. Ивановъ долженъ жениться на Сашѣ, но въ самый день свадьбы онъ является къ ней и просить ее отказаться отъ него. Но Саша любитъ его, смотритъ на него, какъ на несчастнаго, измученнаго человека и, все еще мечтая спасти его, заявляетъ, что не откажется отъ него. Тогда Ивановъ стрѣляется.

Кромѣ главныхъ характеровъ Иванова, Сашы и старика Лебедева, почти всѣ введенныя въ драмѣ лица обрисованы ярко и опредѣленно; развѣ только жена Иванова является блѣдный другикъ. Типы графа Шабельскаго, бывшаго бонбивиана и озлобленнаго скептика-приживальщика, а также и типъ доктора Львова, навливно лѣзущаго всѣмъ на глаза съ своей особой честностью — весьма оригинальны.

Г. Чеховъ беретъ жизнь цѣлкомъ и умѣетъ распоряжаться своимъ матеріаломъ. Если его творчество будетъ отзываться на вопросы современности, если его типы будутъ такими-же яркими типами настоящаго, какими является Ивановъ, онъ несомнѣнно займетъ одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ нашей беллетристики.

\* \* \*

Публицистическія статьи „Сѣв. В.“ отличаются бѣдностью и въ качественномъ и въ количественномъ отношеніи: очевидно, длинные романы вытѣснили интересный матеріалъ, и журналъ даетъ только такія статьи, какъ «Жизнь Джонъ Стюарта Милля», не представляющая ничего новаго послѣ его автобіографіи или статьи «Кризисъ философіи классическаго идеализма въ Германіи», которую 99% читателей журнала даже не разрѣжутъ.

\* \* \*

О статьяхъ публицистическаго отдѣла «В. Е.» и «Р. М.» мы, къ сожалѣнію, не можемъ ничего сказать за недостаткомъ мѣста, но нельзя не упомянуть о прекрасныхъ «Очеркахъ русской жизни», объ интересной статьѣ г. Л. Полонскаго о польскомъ поэтѣ Словацкомъ и о всегда выдержанныхъ отдѣлахъ «В. Е.» — «Внутреннее обозрѣніе» и «Изъ общественной хроникѣ».

А. П—ва.

(А. П. Подосенова)

(А. П. Подосенова)

исп.: Корсакина

ол-но, м. 1957, с. 660

Кор-ко в. 1957, с. 109  
Знаю же сд. в. 1957.